

СТАНЦІОННИЙ
СМОТРИТЕЛЬ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

СТАНЦІОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ.

Коллежскій Регистраторъ
Почтовой спанції диктаторъ.

Князь Вяземскій.

Кто не проклиналъ спанціонныхъ
смотришней, кто съ ними не бра-
нивался? Кто, въ минуту гнѣва, не
потребовалъ отъ нихъ роковой книги,
дабы вписать въ оную свою безпо-
лезную жалобу на притѣсненіе, гру-
бость и неисправность? Кто не по-
чипаетъ ихъ извергами человѣческаго
рода, равными покойнымъ подъячимъ

*

или, по крайней мѣрѣ, Муромскимъ разбойникамъ? Будемъ однако спра-ведливы, поспараемся войти въ ихъ положеніе, и можемъ быть, спа-немъ судить объ нихъ гораздо си-сходишею. Что такое сіланціон-ный смотритель? Сущій мученикъ четырнадцатаго класса, огражден-ный своимъ чиномъ сколько опь по-боевъ, и то не всегда (ссылаюсь на совѣсть моихъ читателей). Какова должностъ сего диктатора, какъ на-зываютъ его шупливо Князь Вязем-скій? Не настоящая ли капорга? По-коя ни днемъ, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной ъезды, путешесственникъ вымѣщає на смотрителя. Погода несносная, до-рога скверная, ямщикъ упрямый, лошади не везутъ — а виноватъ смо-тритель. Входя въ бѣдное его жи-лище, проѣзжающій смотритъ на

него, какъ на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться отъ непрошеннаго гостя; но если не случится лошадей?... Боже! какія ругательства, какія угрозы посыплются на его голову! Въ дождь и слякоть принужденъ онъ бѣгать по дворамъ; въ бурю, въ Крещенской морозъ уходитъ онъ въ сѣни, чѣмъ только на минуту отдохнупъ отъ крика и штолковъ раздраженнаго поспояльца. Пріѣзжаетъ Генераль; дрожающій смопришель опдаєтъ ему двѣ послѣднія пройки, въ помъ числѣ курьерскую. Генераль Ѳдетъ, не сказавъ ему спасибо. Чрезъ пять минутъ — колокольчикъ!... и фельдъегерь бросаетъ ему на столъ свою подорожную!... Вникнемъ во все это хорошенько, и вмѣсто негодованія, сердце наше исполнишся искреннимъ соспраданіемъ. Еще нѣ-

сколько словъ: въ печеніи двадца-
ти лѣтъ сряду, изъѣздила я Россію
по всѣмъ направленіямъ; почти всѣ
почтовые практы мнѣ извѣстны;
иѣсколько поколѣній ямщиcovъ мнѣ
знакомы; рѣдкаго смопришеля не
знаю я въ лице, съ рѣдкимъ не имѣлъ
я дѣла; любопытный запасъ пуш-
выхъ моихъ наблюденій надѣюсь из-
дать въ непродолжительномъ време-
ни; покамѣстъ скажу шолько, что
сословіе спанціонныхъ смопришелей
представлено общему мнѣнію въ са-
момъ ложномъ видѣ. Сіи споль окле-
вешанные смопришели вообще супь
люди мирные, отъ природы услуж-
ливые, склонные къ общежитію,
скромные въ притязаніяхъ на поче-
сти и не слишкомъ сребролюбивые.
Изъ ихъ разговоровъ (коими некспа-
ти пренебрегаюшъ господа проѣзжаю-
щіе) можно почерпнуши много лю-

бопытнаго и поучительнаго. Чѣо
касаешся до меня, што, признаюсь, я
предпочитаю ихъ бесѣду рѣчамъ ка-
кого нибудь чиновника 6-го класса,
слѣдующаго по казеннѣй надобноснii.

Легко можно догадаться, чѣо есть
у меня пріятели изъ почтеннаго со-
словія смопришлѣй Въ самомъ дѣлѣ,
память одного изъ нихъ мнѣ драго-
цѣнна. Обспоятельства иѣкогда сбли-
зили насъ, и обѣ немъ-што намѣренъ
я теперъ побесѣдовашъ съ любезны-
ми чишапелями.

Въ 1816 году, въ Маѣ мѣсяцѣ,
случилось мнѣ проѣзжать черезъ
***скую губернію, по тракту, нынѣ
уничтоженному. Находился я въ мел-
комъ чинѣ, тѣхъ на перекладныхъ,
и плашиль прогоны за двѣ лошади.
Въ слѣдствіе сего смопришли со
мною не церемонились, и частю би-
раль я съ бою што, чѣо, во мнѣнїи

моемъ, слѣдованію мнѣ по праву. Будучи молодъ и вспыльчивъ, я негодовалъ на низость и малодушіе смотрѣтеля, когда сей послѣдній отдавалъ приготовленную мнѣ пройку подъ коляску чиновнаго барина. Сплю же долго не могъ я привыкнуть и къ шому, чтобъ разборчивый холопъ обносилъ меня блудомъ на Губернаторскомъ обѣдѣ. Нынѣ шо и другое кажется мнѣ въ порядкѣ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ нами, если бы вмѣсто общеудобнаго правила: *тихъ тиха погитай*, ввелось въ употребленіе другое, на примѣрь: *улихъ ума погитай?* Какіе возникли бы споры! и слуги съ кого бы начинали кущанье подавать? Но обращаюсь къ моей повѣстіи.

День былъ жаркій. Въ трехъ верстахъ отъ станціи *** спало накропывать, и черезъ минуту проливной

дождь вымочилъ меня до послѣдней нитки. По прѣздѣ на спанцію, первая забота была поскорѣе переодѣться, впора я спросить себѣ чаю. « Эй, Дуня! » закричалъ смопришель, « поспавь самоваръ, да сходи за сливками. » При сихъ словахъ вышла изъ за перегородки дѣвочки лѣпъ чешырнадцати, и побѣжала въ сѣни. Красота ея меня поразила. « Это твоя дочка? » спросилъ я смопришеля.—« Дочка-съ, » отвѣчалъ онъ съ видомъ довольноаго самолюбія; « да такая разумная, такая проворная, вся въ покойницу мать. » Тутъ онъ принялъ переписываніе мою подорожную, а я занялся разсмопрѣніемъ каршинокъ, украшавшихъ его смиренную, но опряпиную обицель. Онъ изображали испорію блуднаго сына: въ первой, почтенный спарикъ въ колпакѣ и шлафрокѣ опускаетъ безпокойнаго

юношу, который поспѣшил принять его благословеніе и мѣшокъ съ деньгами. Въ другой яркими чертами изображено развращенное поведеніе молодаго человѣка: онъ сидитъ за споломъ, окруженній ложными друзьями и безстыдными женщинами. Далѣе, промошавшійся юноша, въ рубищѣ и въ треугольной шляпѣ, пасетъ свиней и раздѣляетъ съ ними трапезу; въ его лицѣ изображены глубокая печаль и раскаяніе. Наконецъ предшествовано возвращеніе его къ опицѣ; добрый спарикъ въ шомъ же колпакѣ и шлафрокѣ выбѣгаєтъ къ нему навстрѣчу: блудный сынъ споинтъ на колѣнахъ; въ перспективѣ поваръ убиваєтъ упирающаго шельца, и спаршій братъ вопрошаєтъ слугъ о причинѣ таковой радости. Подъ каждой картиною прочель я приличные Нѣмецкіе спихи:

Все это доныне сохранилось въ моей памяти, также какъ и горшки съ бальзаминомъ и кровашь съ пепрой занавѣскою, и прочие предметы, меня въ то время окружавшіе. Вижу, какъ теперЬ, самаго хозяина, человѣка лѣтъ пятидесяти, свѣжаго и доброго: на немъ былъ длинный зеленый сершукъ съ тремя медалями на полинялыхъ лентахъ.

Не успѣлъ я расплатиться со спарымъ моимъ ямщикомъ, какъ Дуня возвратилась съ самоваромъ. Маленькая кокетка со втораго взгляда замѣтила впечатлѣніе, произведенное ею на меня; она поспѣшила большіе голубые глаза; я спалъ съ нею разговаривать, она опѣчала мнѣ безъ всякой робости, какъ девушка, видѣвшая свѣтъ. Я предложилъ опицу ея спакань пуншу; Дуня подалъ я чашку чаю, и мы впредъ начали

бесѣдовашь, какъ будто вѣкъ были знакомы.

Лошади были давно гоповы, а мнѣ все не хотѣлось разспасться съ смопришельемъ и его дочкой. Наконецъ я съ ними проспился ; опецъ пожѣлалъ мнѣ добра гопи, а дочь проводила до шелеги. Въ сѣняхъ я оспанился и просилъ у ней позволенія ее поцаловать ; Дуня согласилась.... Много могу я нащипать поцалуевъ

Съ тѣхъ поръ, какъ эштимъ занимаюсь, но ни одинъ не оставилъ во мнѣ споль долгаго, споль пріятнаго воспоминанія.

Прошло иѣсколько лѣтъ, и обспояльства привели меня на шопъ самый трактъ, въ тѣ самыя мѣста. Я вспомнилъ дочь спараго смопришеля и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. Но, подумалъ я, спарый смопришель, мо-

жепъ бытъ, уже смѣненъ; вѣроятно Дуня уже замужемъ. Мысль о смертишоего или другаго такжे мелькнула въ умѣ моемъ, и я приближался къ станціи *** съ печальнымъ предчувствіемъ. Лошади спали у почтоваго домика. Вошедъ въ комнапу, я топчасъ узналъ картины, изображающія исторію блуднаго сына; споль и кровать спояли на прежнихъ мѣстахъ; но на окнахъ уже не было цвѣтовъ, и все кругомъ показывало вепхость и небреженіе. Смотришель спалъ подъ шулупомъ; мой пріѣздъ разбудилъ его; онъ привспаль.... Это былъ точно Симеонъ Выринъ; но какъ онъ поспалъ! Покамѣстъ собирался онъ переписать мою подорожную, я смотрѣль на его сѣдину, на глубокія морщины давно небріпаго лица, на сгорбленную спину — и не могъ на-

дивишься, какъ при или чешыре года могли превратить бодраго мушину въ хилаго спарика. «Узналь ли ты меня?» спросилъ я его; «мы съ тобою старые знакомые.» — «Можешь спастися,» отвѣчалъ онъ угрюмо; «здесь дорога большая; много проѣзжихъ у меня перебывало.» — «Здорова ли твоя Дуня?» продолжалъ я. Спарикъ нахмурился. «А Богъ ее знаетъ,» отвѣчалъ онъ. — «Такъ видно она замужемъ?» сказалъ я. Спарикъ пришпорился, будто бы не слыхалъ моего вопроса, и продолжалъ поспешно чистить мою подорожную. Я прекратилъ свои вопросы и велѣлъ поставить чайникъ. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надѣялся, что пущь разрѣшишь языкъ моего спараго знакомца.

Я не ошибся: спарикъ не отказался отъ предлагаемаго спасанія. Я

замѣтилъ, что ромъ прояснилъ его угрюмость. На впоромъ спаканѣ сдѣлался онъ разговорчивъ; вспомнилъ, или показалъ видъ, будто бы вспомнилъ меня, и я узналъ отъ него по вѣстъ, копорая въ то время сильно меня заняла и пронула.

« Такъ вы знали мою Дуню ? » началъ онъ. « Кто же и не зналъ ея ? Ахъ, Дуня, Дуня ! Чѣо за дѣвка то была ! Бывало, кто ни проѣдеши, всякой похвалишь, никто не осудиши. Барыни дарили ее, то плащомъ, то сережками. Господа проѣзжіе нарочно останавливались, будто бы пообѣдашь, аль отужинашь, а въ самомъ дѣлѣ, только, чтобъ на нее подолѣе поглядѣть. Бывало баринъ, какой бы сердитый ни былъ, при ней утихаешь и милостиво со мною разговариваешь. Повѣрише ль, сударь : курьеры, фельдѣ-егеря съ

нею по получасу заговаривались. Ею домъ держался ; что прибрать, что пригопюшить, за всѣмъ успѣвала. А я то, спарый дуракъ, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь ; ужъ я ли не любилъ моей Дуни, я ль не лелеялъ моего диптихи ; ужъ ей ли не было житѣе ? Да иѣпѣ, ошъ бѣды не отбожиши ; что суждено , тому не миновать.» Тупѣ онъ спалъ подробно рассказывать мнѣ свое горе.—Три го-да тому назадъ, однажды, въ зимній вечеръ, когда смопришель разлине- вывалъ новую книгу, и дочь его за перегородкой пила себѣ новое пла-щье, шройка подѣхала, и проѣзжій въ Черкесской шапкѣ, въ военной шинели, окунчанной шалью, вошелъ въ комнату, пребуя лошадей. Лоша-ди всѣ были въ разгонѣ. При семъ извѣсціи, пущенеиственникъ возвы- силь-было голось и нагайку ; но Ду-

ня, привыкшая къ таковыимъ сце-
намъ, выбѣжала изъ-за перегородки
и масково обрапилась къ проѣзжему
съ вопросомъ: не угодно ли будетъ
ему чего нибудь покушать? Появле-
ніе Дуни произвело обыкновенное
своє дѣйствіе. Гнѣвъ проѣзжаго про-
шелъ; онъ согласился ждать лоша-
дей и заказалъ себѣ ужинъ. Снявъ
мокрую, косматую шапку, оппу-
шавъ шаль и сдернувъ шинель, про-
ѣзжій явился молодымъ, спройнымъ
гусаромъ съ черными усиками. Онъ
расположился у смоприпеля, началъ
весело разговаривать съ нимъ и съ
его дочерью. Подали ужинать. Между
тѣмъ лошади пришли, и смоприпель
приказалъ, чтобъ шопчасъ, не кор-
мя, запрягали ихъ въ кибитку про-
ѣзжаго; но возвращаясь, нашелъ онъ
молодаго человѣка почти безъ памя-
ти лежащаго на лавкѣ: ему сдѣла-

**

лось дурно, голова разболѣлась, не возможно было Ѳхать.... Какъ быть! смоприпель уступилъ ему свою кровашь, и положено было, если больному пе буденъ легче, на другой день ушромъ послать въ С*** за лѣкаремъ.

На другой день гусару спало хуже. Человѣкъ его поѣхалъ верхомъ въ городъ за лѣкаремъ. Дуня обвязала ему голову платкомъ, намоченнымъ уксусомъ, и сѣла съ своимъ шипнемъ у его кровати. Больной при смоприпель охалъ и не говорилъ почши ни слова, однако же выпилъ двѣ чашки кофе, и охая заказалъ себѣ обѣдъ. Дуня опь него не отходила. Онъ поминутно просилъ пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленного лимонада. Большой обмакивалъ губы, и всякой разъ, возвращая кружку, въ знакъ благодарности слагалъ:

бою своею рукою пожималъ Дунюшкину руку. Къ обѣду прїѣхалъ лѣкарь. Онъ пощупалъ пульсъ больнаго, поговорилъ съ нимъ по Нѣмецки, и по Русски объявилъ, что ему нужно одно спокойствіе, и что дня черезъ два ему можно будеши оправицься въ дорогу. Гусаръ вручилъ ему 25 рублей за визитъ, пригласилъ его отобѣдать; лѣкарь согласился; обаѣли съ большимъ аппетитомъ, выпили бутылку вина и разспались очень довольны другъ другомъ.

Прошелъ еще день, и гусаръ совсѣмъ ожилъ. Онъ былъ чрезвычайно веселъ, безъ умолку шушшилъ съ Дунею, то съ смопришлемъ; насвистывалъ пѣсни, разговаривалъ съ проѣзжими, вписывалъ ихъ подорожныя въ почтовую книгу, и такъ полюбился доброму смотрителю, что на прещье ушро жаль было ему

разсташься съ любезнымъ своимъ постолльцемъ. День быль воскресный; Дуня собираласъ къ обѣднѣ. Гусару подали кибишку. Онъ проспилъ съ смоприщелемъ, щедро наградивъ его за поспой и угощеніе; проспился и съ Дунею и вызвался дозвезти ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня спояла въ недоумѣніи. . . . «Чего же ты боишъся?» сказалъ ей отецъ; «вѣдь Его Высокоблагородіе не волкъ и тешбя не съѣсть; прокатись-ка до церкви.» Дуня сѣла въ кибишку подъ гусара, слуга вскочилъ на облучокъ, ямщикъ свиснулъ и лошади поскакали.

Бѣдный смопришель не понималъ, какимъ образомъ могъ онъ самъ позволить своей Дунѣ ѿхать вмѣстѣ съ гусаромъ, какъ нашло на него ослѣпленіе, и что тогда было съ его разумомъ. Не прошло и получаса,

какъ сердце его начало ныть, ныть, и беспокойство овладѣло имъ до шакой степени, чпо онъ не ушерпѣлъ и пошелъ самъ къ обѣднѣ. Подходя къ церкви, увидѣлъ онъ, что народъ уже разходился, но Дуни не было ни въ оградѣ, ни на паперти. Онъ поспѣшно вошелъ въ церковь: священникъ выходилъ изъ олтаря; дьячекъ гасилъ свѣчи, двѣ спарушки молились еще въ углу; но Дуни въ церкви не было. Бѣдный ошецъ на силу рѣшился спросить у дьячка, была ли она у обѣдни. Дьячекъ опѣвѣчалъ, чпо не бывала. Смотритель пошелъ домой ни живъ, ни мертвъ. Одна оспавалась ему надежда: Дуня по вѣтреноски молодыхъ лѣтъ вздумала, можетъ быть, прокашпиться до слѣдующей спанціи, гдѣ жила ея крестная мать. Въ мучительномъ волненіи ожидалъ онъ

возвращенія тройки, на котрой онъ опиупшилъ ее. Ямщикъ не возвращался. Наконецъ къ вечеру приѣхалъ онъ одинъ и хмѣленъ, съ убийственнымъ извѣстіемъ: «Дуня съ штой спанціи отправилась далѣе съ гусаромъ.»

Спариkъ не снесъ своего нещастія; онъ тутъ же слегъ въ ту самую поспель, гдѣ наканунѣ лежалъ молодой обманщикъ. Теперь смотрѣшь, соображая всѣ обстоятельства, догадывался, что болѣзнь была приворона. Бѣднякъ занемогъ сильной горячкою; его свезли въ С*** и на его мѣсто опредѣлили навремя другаго. Тотъ же лѣкарь, котрый прїѣжалъ къ гусару, лѣчиль и его. Онъ увѣрилъ смотрѣтеля, что молодой человѣкъ былъ совсѣмъ здоровъ, и что тогда еще догадывался онъ о его злобномъ намѣ-

реніи, но молчаль, опасаясь его нагайки. Правду ли говорилъ Нѣмецъ, или только желалъ похвасташься дальновидносцю, но онъ ни мало пѣмъ не упѣшилъ бѣднаго больнаго. Едва оправясь отъ болѣзни, смонпришель выпросилъ у С*** почтмейстера ошпускъ на два мѣсяца, и не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреаніи, пѣшкомъ отправился за своею дочерью. Изъ подорожной зналъ онъ, что Ротмистръ Минскійѣхалъ изъ Смоленска въ Петербургъ. Ямщикъ, который везъ его, сказывалъ, чпо во всю дорогу Дуня плакала, хопя, казалось, єхала по своей охотѣ. « Авось, » думалъ смонпришель, « приведу я домой заблудшую овечку мою. » Съ этой мыслію прибылъ онъ въ Петербургъ, остановился въ Измайловскомъ полку, въ домѣ ошпавнаго унтеръ - офицера, своего

спараго сослуживца, и началъ свои поиски. Вскорѣ узналъ онъ, что Ротмистръ Минскій въ Петербургѣ и живетъ въ Демутовомъ трактирѣ. Смотритель рѣшился къ нему явиться.

Рано утромъ пришелъ онъ въ его переднюю, и просилъ доложить Его Высокоблагородію, что старый солдатъ проситъ съ нимъ увидѣться. Военный лакей, чистя сапогъ на колодкѣ, объявилъ, что баринъ почиваешь, и что прежде одиннадцати часовъ не принимаетъ никого. Смотритель ушелъ, и возвратился въ назначенное время. Минскій вышелъ самъ къ нему въ халашѣ, въ красной скучѣ. «Что, братъ, тебѣ надоѣло?» спросилъ онъ его. Сердце старика закипѣло, слезы навернулись на глазахъ, и онъ дрожащимъ голосомъ произнесъ только: «Ваше Высокоблагородіе! . . . сдѣлайте такую Бо-

жескую милость!...» Минскій взглянуль на него быстро, вспыхнуль, взялъ его за руку, повелъ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. « Ваше Высокоблагородіе! » продолжалъ спиарикъ, « что съ возу упало, что пропало; ошдайше мнѣ, по крайней мѣрѣ, бѣдную мою Дуню. Вѣдь вы напѣшились ею; не погубите же ее по напрасну. » — « Что сдѣлано, того не воропиши, » сказалъ молодой человѣкъ въ крайнемъ замѣшательствѣ; « виноватъ передъ тобою, и радъ проситъ у тебя прощенія; но не думай, чтобъ я Дуню могъ покинуть: она будетъ щастлива, даю тебѣ честное слово. Зачѣмъ тебѣ ее? Она меня любитъ; она опытила отъ прежняго своего сосипоянія. Ни ты, ни она — вы не забудете этого, что случилось. » Потомъ, сунувъ ему что-то за рукавъ, онъ опирорилъ

дверь, и смопришель, самъ не помня какъ, очутился на улицѣ.

Долго стоялъ онъ неподвижно, наконецъ увидѣлъ за обшлагомъ своего рукава сверпокъ бумагъ; онъ вынулъ ихъ и развернулъ нѣсколько пяти и десятирублевыхъ смятыхъ ассигнацій. Слезы опять навернулись на глазахъ его, слезы негодованія! Онъ сжалъ бумажки въ комокъ, бросиль ихъ на земль, притопталъ каблукомъ, и пошелъ.... Оппошедъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился, подумалъ.... и ворошился.... но ассигнацій уже не было. Хорошо одѣшный молодой человѣкъ, увидя его, подбѣжалъ къ извощику, сѣлъ поспѣшно и закричалъ: «пошелъ!...» Смопришель за нимъ не погнался. Онъ рѣшился отправиться домой на свою спанцію, но прежде хотѣлъ хоть разъ еще увидѣть бѣдную

свою Дуню. Для сего, дня черезъ два, воропился онъ къ Минскому; но военный лакей сказалъ ему сурово, что баринъ никого не принимаетъ, грудью вытѣснилъ его изъ передней, и хлопнулъ двери ему подъ носъ. Смопришель поспояль, поспояль — да и пошелъ.

Въ эпопѣ самый день, вечеромъ, шелъ онъ по Липейной, опслуживъ молебень у Всѣхъ Скорбящихъ. Вдругъ промчались передъ нимъ щегольскія дрожки, и смопришель узналъ Минскаго. Дрожки остановились передъ трех-этажнымъ домомъ у самаго подъѣзда, и гусарь вѣжалъ на крыльце. Щасливая мысль мелькнула въ головѣ смопришеля. Онъ воропился, и поровнявшись съ кучеромъ: «Чья, братъ, лошадь?» спросилъ онъ, «не Минскаго ли?» — «Точно такъ,» отвѣчалъ кучерь, «а чѣмъ тебѣ?» —

*

« Да вонъ что : баринъ твой прика-
заль мнѣ отнести къ его Дунѣ за-
писочку , а я и позабудь , гдѣ Дуня-то
его живеть . » — « Да вонъ здѣсь , во
впоромъ эпажѣ . Опоздалъ ты , братъ ,
съ твоей запиской ; шеперь ужъ онъ
самъ у нее . » — « Нужды нѣшь , » воз-
разилъ смопришель съ неизъясни-
мымъ движеніемъ сердца , « спасибо ,
что надоумилъ , а я свое дѣло сдѣ-
лаю . » И съ эпимъ словомъ пошелъ
онъ по лѣстницѣ .

Двери были заперты ; онъ позво-
нилъ , прошло нѣсколько секундъ въ
шлагоспиномъ для него ожиданія . Ключъ
загремѣлъ , ему отворили . « Здѣсь спо-
ишь Авдотья Самсоновна ? » спросилъ
онъ . « Здѣсь , » отвѣчала молодая слу-
жанка ; « за чѣмъ тебѣ ея надобно ? »
Смопришель , не отвѣчая , вошелъ въ
залу . « Не лѣзя , не лѣзя ! » закричала
всльдъ ему служанка ; « у Авдотьи

Самсоновны госпи.» Но смопришель, не слушая, шелъ далъе. Двѣ первыя комнаты были пусты, въ третьюй былъ огонь. Онъ подошелъ къ расщворенной двери и остановился. Въ комнатѣ богатоубранной, Минскій сидѣлъ въ задумчивоспи. Дуня, одѣтая со всею роскошью моды, сидѣла на ручкѣ его кресель, какъ наѣздница на своемъ Англійскомъ сѣдлѣ. Она съ нѣжноспию смопрѣла на Минскаго, намазывая черные его кудри на свои сверкающіе пальцы. Бѣдный смопришель! Никогда дочь его не казалась ему споль прекрасною; онъ по неволѣ ею любовался. « Кто шамъ? » спросила она, не поднимая головы. Онъ все молчалъ. Не получая отвѣта, Дуня подняла голову.... и съ крикомъ упала на коверъ. Испуганный Минскій кинулся ее поднимать, и вдругъ увида въ дверяхъ

спараго смотрителя, оставилъ Дуню, и подошелъ къ нему, дрожа отъ гнѣва. « Чего тебѣ надобно? » сказалъ онъ ему, списнувъ зубы; « что ты за мною всюду крадешься, какъ разбойникъ? или хочешь меня зарѣзать? Пошелъ вонъ! » и сильной рукою схвативъ спарика за воротъ, выполкнулъ его на лѣстницу.

Спарикъ пришелъ къ себѣ на квартиру. Пріятель его совѣтовалъ ему жаловаться; но смотритель подумалъ, махнулъ рукой и рѣшился отступиться. Черезъ два дня отправился онъ изъ Пендербурга обратно на свою спанцію, и опять принялъся за свою должностъ. « Вотъ уже третій годъ, заключилъ онъ, какъ живу я безъ Дуни, и какъ обѣ ней нѣшь ни слуху ни духу. Жива ли, нѣпъ ли, Богъ ее вѣдаєшь. Всяко случается. Не ее первую, не ее послѣднюю сма-

ниль проѣзжій повѣса, а шамъ подержалъ, да и бросиль. Много ихъ въ Петербургѣ, молоденькихъ дуръ, сегодня въ апласѣ да бархатѣ, а завтра, поглядишь, мешуипъ улицу вмѣстѣ съ голыю кабацкою. Какъ подумаешь порою, чипо и Дуня, можетъ бысть, шупъ же пропадаешъ, шакъ по неволѣ согрѣшишь, да пожелаешь ей могилы. . . .»

Таковъ быль разсказъ пріятеля моего, спараго смопришеля, разсказъ неоднократно прерываемый слезами, которыя живописно опиралъ онъ своею полою, какъ усердный Терентьевъ въ прекрасной балладѣ Дмитрева. Слезы сіи отчасти возбуждаемы были пущемъ, коего вытянуль онъ пять спакановъ въ продолженіи своего повѣствованія; но какъ бы то ни было, онъ сильно тронули мое сердце. Съ нимъ раз-

спавшиесь, долго не могъ я забыть спараго смотрителя, долго думалъ я о бѣдной Дунѣ....

Недавно еще , проѣзжая черезъ мѣстечко ***, вспомнилъ я о моемъ пріятелѣ; я узналъ, чтио спація, надъ которой онъ начальствовалъ, уже уничтожена. На вопросъ мой : « Живъ ли старый смотритель ? » никто не могъ дать мнѣ удовлетворительного отвѣта. Я рѣшился поспѣшить знакомую сторону, взялъ вольныхъ лошадей и пустился въ село Н.

Это случилось осенью. Сѣренкія тучи покрывали небо ; холодный вѣтеръ дулъ съ пожатыхъ полей, унося красныя и желтныя листья со всѣрѣчныхъ деревьевъ. Я пріѣхалъ въ село при закатѣ солнца и остановился у почтоваго домика. Въ сѣни (гдѣ нѣкогда поцаловала меня бѣдная

Дуня) вышла толстая баба, и на вопросы мои отвечала, что старый смопришель съ годъ какъ померъ, что въ домѣ его поселился пивоваръ, а что она жена пивоварова. Мне спало жаль моей напрасной поездки и семи рублей, издержанныхъ даромъ. «Отъ чего жъ онъ умеръ?» спросилъ я пивовару жену.—«Спился, башюшка,» отвечала она.—«А гдѣ его похоронили?» — « За окопицей, подъ покойной хозяйки его.» — « Не льзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же не льзя. Эй, Ванька! полно тебѣ съ кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище, да укажи ему смопришелеву могилу.»

При сихъ словахъ, оборванный мальчикъ, рыжій и кривой, выбѣжалъ ко мнѣ и шопчасъ повелъ меня окопицу.

«Зналъ ты покойника?» спросилъ я его дорогой.

Дуня) вышла плоская баба, и на вопросы мои отвечала, что старый смоприпель съ годъ какъ померъ, что въ домѣ его поселился пивоваръ, а чѣо она жена пивоварова. Мнѣ спало жаль моей напрасной поездки и семи рублей, издержанныхъ даромъ. «Отъ чего жъ онъ умеръ?» спросилъ я пивоварову жену. — «Спился, башюшка,» отвѣчала она. — «А гдѣ его похоронили?» — «За околицей, подъ покойной хозяйки его.» — «Не лѣзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же не лѣзя. Эй, Ванька! полно шебѣть съ кошкою возитъ. Проводи-ка барина на кладбище, да укажи ему смоприпелеву могилу.»

При сихъ словахъ, оборванный мальчикъ, рыжій и кривой, выбѣжалъ ко мнѣ и попчась повелъ меня за околицу.

«Зналъ ты покойника?» спросилъ я его дорогой.

— « Какъ не знать ! Онъ выучилъ меня дудочки вырѣзывать. Бывало (царство ему небесное !) идешь изъ кабака, а мы-то за нимъ : « Дѣдушка, дѣдушка ! орѣшковъ ! » — а онъ насть орѣшками и надѣляешь. Все бывало съ нами возится. »

« А проѣзжіе вспоминаютъ ли его ? »

— « Да вынѣ мало проѣзжихъ ; развѣ засѣдатель завернетъ , да шому не до мерпвыхъ . Вонъ лѣтомъ проѣзжала барыня , пакъ та спрашивала о спаромъ смопришель и ходила къ нему на могилу . »

« Какая барыня ? » спросилъ я съ любопытствомъ .

— « Прекрасная барыня , » оплѣчаль мальчишка ; « Ѳхала она въ каретѣ въ шесть лошадей , съ шремя малень-кими барчашами и съ кормилицей , и съ черной моською ; и какъ ей сказали , что спарый смопришель у-

шеръ, такъ она заплакала и сказала дѣшамъ : «сидише смиро, а я схожу на кладбище. » А я было вызвался до-весни ес. А барыня сказала : «Я сама дорогу знаю. И дала мнѣ пяпакъ се-ребромъ — такая добрая барыня ! . . . »

Мы пришли на кладбище, голое мѣсто, ничѣмъ не огражденное, усеянное деревянными крестами, не осѣнними ни единымъ деревцемъ. Оп-роду не видаль я такого печального кладбища.

« Вонъ могила спараго смоприше-ля, » сказалъ мнѣ мальчикъ, вспры-гнувъ на груду песку, въ которую врытъ быль черный крестъ съ мѣд-нымъ образомъ.

— « И барыня приходила сюда ? » спросилъ я.

« Приходила , » отвѣчалъ Ванька ; « я смопрѣль на нее издали. Она ле-гла здѣсь, и лежала долго. А шамъ

барыня пошла въ село, и призвала попа, дала ему денегъ и поѣхала, а мнѣ дала пяшакъ серебромъ — славная барыня!»

И я далъ мальчишкѣ пяшачекъ, и не жалѣль уже ни о поѣздкѣ, ни о семи рубляхъ, мною испраченныхъ.
